

Наталья Антонова

Туфелька для
ПРИЗРАКА

Уютный детектив

Наталья Николаевна Антонова

Туфелька для призрака

Серия «Уютный детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48505673

Туфелька для призрака : [роман] / Наталья Антонова: Эксмо; Москва;

2020

ISBN 978-5-04-105251-5

Аннотация

В новогодние праздники в дом к частному детективу Мирославе Волгиной приходит Андрей Лукин и требует отыскать... призрака! В далекой юности он провел ночь с девушкой Зинаидой и только после узнал, что она умерла, рожая его ребенка. Но теперь Андрей уверен, что на днях видел Зину на вечеринке. Приблизиться к ней ему не удалось – девушка сбежала, потеряв туфельку. Мирослава не принимает этот странный рассказ всерьез. Новый год существует совсем не для таких чудес!

Но вскоре к детективу за помощью обращается уже сестра Лукина. Андрея обвиняют в убийстве его невесты! Теперь Волгина и вправду заинтересована. Вместе со своим неотразимым другом, следователем Наполеоновым, она докопается до правды!

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	38
Глава 4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Наталья Антонова

Туфелька для призрака

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

По ночам на небе сияли яркие звезды, месяц напоминал рог изобилия, и даже взрослым хотелось верить в сказку.

Приближался один из самых чудесных праздников – Новый год... Трудно найти человека, который бы не любил его и не ждал.

И где-то совсем рядом мерцала огнями тихая рождественская ночь... Морис мечтал провести ее наедине с Мирославой, как семейный праздник... Хотя, конечно, назвать их семьей можно было только в его мечтах.

На католическое Рождество он летал домой и встретил его с родителями.

Когда Миндаугас просил у Мирославы недельный отпуск, она дала ему целых две недели и выдала такую крупную сумму отпускных, что он не удержался и спросил:

– Наше агентство так успешно?

– Вполне. Бери, ты заработал.

И он взял, так как работал действительно на совесть. Накупил подарков родителям, друзьям.

Прилететь обратно в город на Волге он планировал утром 31 декабря, но не выдержал и был в агентстве уже 30.

Мирослава ему искренне обрадовалась. А как он обрадовался ее радости ему! И почему-то крепко расцеловал попавшегося под руку кота.

– Ты чего так рано? – спросила Мирослава, улыбаясь.

– Подумал, что без меня вы ничего на праздник и не приготовите.

– Какой ты догадливый! – рассмеялась она.

Морис летал точно на крыльях, помогал украшать дом, ездил за продуктами, прихватив с собой Мирославу, выбирал те, что понадобятся, забыв спросить, согласна ли она с его выбором, она и не возражала, оплатила покупки, всю готовку Морис, как всегда, взял на себя.

А потом они наряжали небольшую елку во дворе, которую было хорошо видно из окон гостиной.

– Может, нам надо было ее нарядить, как в Простоквашино, старыми вещами? – спросила Мирослава, оглядывая ель.

– А что, у нас есть старые вещи? – поинтересовался он?

– Ну...

– Тогда нарядим игрушками и гирляндами.

– Уговорил, – рассмеялась Волгина.

Наступило 31 декабря. Уставшие от приготовлений, они проспали аж до десяти часов. Да и то спасибо коту, разбудил.

Постепенно ближе к вечеру начали собираться многочисленные друзья. Праздновали шумно, со всей щедростью рос-

сийской души.

В первом, во втором и третьем часу ночи подтягивались новые гости, которые встретили Новый год по местному времени с родителями и детьми. А потом, уложив их спать или оставив у телевизора, поспешили за город, в коттеджный поселок.

В основном это были опера, следователь, фотограф, все те, кого объединяла работа, на которой они и проводили большую часть своей жизни.

Миндаугас высоко оценил красоту начальника убойного отдела Василисы Никитичны Воеводиной, удивился, что она приехала одна, и спросил у Шуры шепотом:

– А Василиса Никитична не замужем?

– Нет, – ответил Шура, – выйдешь тут с нашей работой замуж, – и тут же произнес подозрительно: – А ты чего интересуешься?

– Так, – беззаботно отозвался Морис, – красивая она.

– Да. Васька у нас красавица, – согласился Наполеонов, – но ты не очень-то засматривайся на нее.

– Почему? – простодушно поинтересовался Морис.

– Потому! – сердито ответил Шура и поискал глазами Мирославу. Нашел и нахмурился еще сильнее. Мирослава кружилась в вальсе с длинноногим красавцем Легкоступовым. Они умудрялись еще и о чем-то шептаться.

– Нет, – проворчал Наполеонов, – пора Валерку сплавлять в модельное агентство.

Пока он наблюдал за этой парой, сменилась музыка, и начался новый танец. Морис подошел к сидящей в кресле Василесе и пригласил ее на танец. Она охотно согласилась.

Наполеонов аж ногой топнул с досады, но тут к нему подошла Оксана Незовибатько и пригласила танцевать.

Наполеонов чуть не ляпнул: «Так не белый же танец», но вовремя опомнился и обхватил Оксану за талию. Носом он уткнулся в ее грудь.

Оксана Незовибатько была под стать своему мужу Афанасию Гавриловичу, женщиной высокой и в теле. Все было при ней. И характер она имела веселый, компанейский.

Многие даже слегка завидовали везучести криминалиста в семейной жизни. Афанасий и с тещей жил душа в душу. Как тут не позавидуешь?

Жена Рината Ахметова Гузель тоже была хороша собой. Но иной, восточной красотой. Тонкая, стройная, фигура, как рюмочка. Слегка золотистая кожа, точно светится, карие глаза вообще сияют, а черные волосы, собранные на затылке заколкой, стекают на спину волнующим водопадом, колышущимся от малейшего движения или колебания воздуха.

Старший лейтенант Любава Залеская кружилась в объятиях оперативника Дмитрия Славина. Ее большие глаза счастливо сияли, а на губах, ярких, как спелые черешни, была тихая умиротворенная улыбка.

У Наполеонова уже давно имелись подозрения насчет того, что гарна дивчина равнодушна к этому блондину с гла-

зами цвета лесного ореха.

И это при том при всем, что Диму не раз видели в компании местной художницы Лидии Заречной.

Недавно вон и выставка ее открылась в галерее, которой владеет Славин старший.

А Любава Залесская хороша! Слов нет. И опер она превосходный, не только исполнительный, но и дотошный, когда надо, и инициативу проявить не побоится.

– Голубчик, вы не уснули? – донесся до Наполеонова голос Оксаны.

– Что? А?

– Танец закончился, а вы, Александр Романович, как улеглись на мою грудь, как на лебяжью подушку, так и затихли. Видать, пригрелись? – тихо засмеялась Оксана.

– Задумался я, – виновато похлопав глазами, принялся оправдываться Шура.

– Бывает, – согласилась Оксана, – я сама иногда так задумаюсь, что Афанасий меня тормошит, тормошит, а я как спящая красавица.

– Ой, Оксаночка, – раздался рядом голос Мирославы, – можно у вас Шурочку похитить?

– Конечно, конечно, – отозвалась Незовибатько, подмигнула Шуре и уплыла прочь.

– Чего тебе? – сердито спросил Наполеонов свою подругу детства.

– Хочу потанцевать с тобой!

– Еще чего, – начал отнекиваться он.

– Идем, идем, мой маленький! – расхохоталась она и потащила его за собой.

– Отстань! Почему ты с Морисом не танцуешь?!

– Танцевала два танца.

– И все? – прошипел Наполеонов.

– А ты сам почему с ним не танцуешь? – засмеялась она.

– Чего?!

Мирослава вытащила Шуру на середину зала и принялась крутить.

Он еле-еле вырвался и забился в угол, где Аветик Григорян сосредоточенно разгадывал очередной кроссворд, а судмедэксперт Илинханов не менее старательно пытался ему помочь.

– Вы чего не танцуете? – спросил Наполеонов.

– У нас ноги короткие, – отмахнулся Илинханов.

Шура смерил обоих взглядом, и тому и другому грех было жаловаться на рост и длину ног.

– Так бы и сказали, отстань, – пробурчал он.

– Нам воспитание не позволяет, – хмыкнул Илинханов.

Шура вздохнул, пробрался к выходу и на цыпочках добрался до кухни. Закрыв дверь, открыл холодильник, достал поднос со своим любимым «Наполеоном», отрезал приличный кусок, налил чаю в большую чашку с маками и принялся получать удовольствие.

Здесь ему так долго никто не мешал, что через некото-

рое время он стал чувствовать себя Винни-Пухом, которому ни за что не вылезти из норы кролика. Но он нашел в себе силы выбраться из-за стола и улечься на угловом диванчике. Где его впоследствии и обнаружил мирно посапывающим Морис.

Рядом с Шурой растянулся Дон и тоже дремал. Но услышав шаги Мориса, кот сразу приоткрыл глаза.

– Охраняешь? – спросил Миндаугас.

– Мр, – ответил кот и снова задремал.

Морис старался поменьше пить, с удовольствием отмечая, что Мирослава не пьет ничего, кроме шампанского и минеральной воды. Пьяных, тем более женщин, Миндаугас не любил.

Конечно, его не радовало то, что Мирослава слишком много танцует с Валерьяном Легкоступовым, но и не так, чтобы очень огорчало...

То, что Валерьян влюблен, становилось заметным, стоило лишь приглядеться к тому, какие взгляды парень бросает на Мирославу и как старается предугадать малейшие ее желания. Но Волгина никак особо не выделяла фотографа среди других гостей. А танцевать ей с ним нравилось, скорее всего, потому, что Валерьян был легок и грациозен.

Новогодняя ночь воссияла и разлетелась опавшими звездами фейерверков.

Глава 1

И вот наконец к полудню первого числа их дом опустел, гости разъехались. Второго они занимались уборкой, потому как Клавдию Ивановну Рукавишникову, которая чаще всего и следила за чистотой в доме, Мирослава отпустила на две недели, как она сказала – на каникулы.

Клавдия Ивановна жила с мужем и внучкой в этом же поселке, только подальше от особняков, там, где располагались дома обычных жителей, выстроенные в советскую и после-советскую пору.

Приведя дом в порядок, Морис и Мирослава облегченно вздохнули. Им было хорошо вдвоем. Вернее, втроем, так как кот Дон постоянно ходил за ними следом.

Наступило третье января. За окном второй день бушевала метель, заметая все пути и дороги.

Детективы с удовольствием наслаждались выпавшим им отдыхом. Они втроем лежали на ковре у камина, смотрели на сказочный танец огня или читали вслух по очереди. Развалившийся рядом Дон, казалось, внимательно слушал. По крайней мере, его ушки на макушке постоянно шевелились.

Рядом стоял грейпфрутовый сок, минеральная вода и ваза с фруктами. Что еще нужно людям, чтобы отдохнуть от бурно проведенного праздника?

И неожиданно в эту идиллию ворвался звонок в дверь.

Они переглянулись, недоумевая, кто решил нарушить их покой, даже не позвонив предварительно.

– Я пойду открою? – спросил Морис, нехотя поднимаясь с ковра.

– Может, не надо? – лениво проговорила Мирослава.

Но звонок прозвенел снова, и более решительно.

– Лучше открою.

Морис вернулся довольно быстро, сообщил, что прибыл клиент по срочному делу.

– Почему ты не послал его к черту?! – рассердилась Мирослава.

Морис не ответил, выжидающе глядя на Волгину.

Мирослава поднялась и последовала за ним. В гостиной она увидела мужчину лет сорока пяти с каким-то странным взглядом.

Увидев Мирославу, он вскочил со стула.

– Я Андрей Петрович Лукин!

– Мирослава Волгина. Не могу сказать, чтобы наше знакомство доставило мне удовольствие, – сухо произнесла она.

– Да, я понимаю. В такое время и без звонка, – пробормотал он и, прижав руки к груди, воскликнул: – Но у меня нет выхода! Я, кажется, схожу с ума!

– Тогда это тем более не к нам.

– Нет, нет, к вам! Умоляю вас, выслушайте меня!

– Хорошо, сядьте.

Он послушно опустился на стул.

– Я вас слушаю.

– Понимаете, моя сестра устроила новогоднюю вечеринку, – торопливо заговорил посетитель, – и на ней я встретил девушку, которую знал в молодости.

– И что?

Лукин вытащил из-за пазухи белую ажурную туфельку, поставил на стол.

– Вот! Найдите ее!

– Кого?

– Ту, которая потеряла эту туфельку. – Он торопливо порылся в карманах и выложил на стол объемную пачку евро.

Мирослава посмотрела на посетителя как на завсегдатая сумасшедшего дома и фыркнула:

– Вы ошиблись адресом, милейший, наше агентство не занимается розысками Золушек.

– Вы не понимаете! Это вопрос жизни и смерти! – воскликнул посетитель.

– Морис, проводи господина.

– Лукин! – воскликнул мужчина и вперил в Мирославу испуганный взгляд. – Я Лукин Андрей Петрович!

– Очень приятно и до свидания.

– Нет, умоляю вас! Вы не так меня поняли. Пожалуйста, выслушайте!

В голосе посетителя было столько отчаяния и мольбы, что Морис невольно ему посочувствовал и, бросив взгляд на скупающую Мирославу, произнес:

– Почему бы и нет, ведь это нас ни к чему не обязывает.

– Да, да, конечно, – закивал Андрей Петрович, – хотя бы выслушайте!

– Хорошо, – Мирослава села напротив, – только коротко.

И посетитель поведал довольно странную историю.

Много лет назад, когда его невеста уехала к родственникам, он от скуки отправился на вечеринку к своей сестре. Там он познакомился с девушкой Зиной, увлекся ею и провел с ней ночь.

– Я сам не знаю, что на меня нашло, – оправдывался Лукин, – я очень любил Лиду! Лида – это моя невеста. А тут просто бес попутал! – Он в отчаянии схватился за голову.

– Наверное, просто перепили, – обронила Мирослава.

– Да, наверное, – согласился Андрей Петрович, опустив руки, но тотчас засомневался, – я вроде бы и не так много выпил...

– Бывает. Что дальше?

– Дальше? – растерянно переспросил он и тотчас опомнился: – Да, дальше. Дальше я забыл о Зине и о ночи, проведенной с ней. У меня же на носу была свадьба! Я был тогда так счастлив! – Он глубоко вздохнул и замолчал.

Мирославе начала надоедать эта сентиментальная история, и она недовольно посмотрела на незваного посетителя.

Он встрепенулся и заговорил снова:

– Прошло два месяца, и вдруг раздался звонок. Я спросил: кто это? Она ответила – Зина.

– Какая Зина?

– Та самая. У меня будет ребенок.

Меня как кипятком ошпарило! Я все вспомнил! Но боже мой! Какой ребенок! Зачем ребенок?! Я предложил ей деньги на аборт, но Зина бросила трубку.

Лукин снова погрузился в молчание.

– И это все? – спросила Мирослава.

– Я тогда пережил личную трагедию! – выдохнул Андрей Петрович.

– Вы хотите сказать, что личную трагедию пережила Зина, оставшись с ребенком на руках? – попыталась уточнить Волгина.

– Нет, я! – перебил детектива посетитель.

– Какую же?

– Меня бросила Лида! Накануне свадьбы! Ничего не объяснив!

– Возможно, она узнала о ваших шашнях с Зиной, – проговорила Мирослава.

Морис бросил на нее укоризненный взгляд, но Лукин, казалось, даже не заметил грубости детектива.

– Не знаю, – ответил он, – я пытался выяснить причину, но Лида наотрез отказалась общаться со мной.

– И вы отступились?

– А что мне было делать?!

Мирослава пожала плечами.

– Расставание с Лидией мне далось очень тяжело, – про-

говорил Лукин, – я был на грани нервного срыва. И в это время еще погиб мой старший брат вместе с супругой. Остались дети.

– Понимаю.

– Мы с Бэллой взяли их к себе.

– Бэла это кто?

– Бэлла Петровна Лукина – моя сестра.

– А что произошло с Зиной?

– Я больше ничего о ней не слышал. До тех пор пока лет десять назад сестра, когда мы рассматривали старые фотографии, не обмолвилась, что Нина сказала ей, будто бы Зина умерла при родах.

– А ребенок?

– И ребенок.

– Печально.

– Да, – согласился Лукин, – но вчера на вечеринке я увидел ее!

– Кого?

– Зинаиду!

– Но она же умерла?

– Да. Я уточнил у сестры сегодня утром.

– Следовательно, вы не могли ее видеть.

– Но я видел! Это точно была она!

– Вы хотите сказать, ее призрак? – Мирослава уже не прятала раздражения. История начинала ей надоедать. Тратить праздники, даже за большие деньги, на странного клиента ей

не хотелось.

– Это был не призрак! Я окликнул ее, и она обернулась, так странно на меня посмотрела, а потом побежала. Я догнал ее на лестнице, пытался удержать, но она оттолкнула меня, я упал, а когда поднялся, то увидел туфельку. Вот эту. – Он кивнул на стол. Найдите ее! Умоляю вас!

– Я уже сказала, что мы не разыскиваем сбежавших девушек. Простите. До свидания. – Мирослава встала, давая понять, что аудиенция окончена.

Мужчина взял туфельку, сунул ее за пазуху и, шатаясь, направился к двери.

– Вы забыли деньги.

Андрей Петрович не обратил на слова Мирославы никакого внимания, точно не услышал их.

Морис взял пачку евро, догнал несостоявшегося клиента и, положив деньги ему в карман, проводил Лукина до машины.

Видя, что состояние мужчины оставляет желать лучшего, Миндаугас спросил:

– Может быть, вызвать такси, а машину вам доставят потом?

– Нет, спасибо, не беспокойтесь, я доберусь сам.

Все оставшееся время суток продолжал идти снег, шел он и вечером, и ночью, и на следующий день.

– Мне не дает покоя мысль о нашем вчерашнем посетителе, – сказал за завтраком Морис.

– Ты все еще помнишь о нем? – удивилась Мирослава.

– Да, и удивляюсь тому, что вас перестали интересовать загадки.

– Загадки? – фыркнула она, – человек хорошо отметил праздник, вот и вся загадка.

– А туфелька?

– Симпатичная.

– И всё?

– И всё. К тому же мне никогда не нравилась Золушка, – добавила она.

– Почему? – удивился Морис.

– Мне не нравятся безропотные особы в принципе.

– А что бы вы делали на месте Золушки? – неожиданно заинтересовался он.

– Выгнала бы из отцовского дома мачеху и ее дочерей в лес.

– Но там их могли бы съесть волки.

– Сомневаюсь.

– Но тогда бы вам и принц не достался, – привел Морис последний оставшийся у него аргумент.

– А на кой он мне сдался?! – искренне удивилась Мирослава.

– Но принц это так романтично!

– Но не практично, – парировала Мирослава серьезно.

Морис весело рассмеялся, вспомнив рассказ Шуры, что любимым героем Мирославы в детстве был работник на все

руки Балда.

– Ничего смешного, – сказала Мирослава, – и вообще, давай уберем со стола и пойдем покатаемся на лыжах.

Идея ему понравилась, и они отправились кататься в лес, который располагался в нескольких километрах от коттеджного поселка.

Глава 2

На рождественский сочельник Мирослава категорически отказалась оставлять Дона одного дома. И они, поужинав, гуляли вдвоем ночью по заснеженному саду. Было удивительно тихо, тепло и светло от серебристого лунного света.

– Посмотри, – прошептала она, – точно кто-то застилает землю тончайшим серебристым шелком.

– Лунным шелком, – выдохнул тихо Морис.

Потом они улеглись спать и проспали почти до одиннадцати утра. Дон пытался протестовать. Кот находил, что спать почти до полудня возмутительно. Но хозяйева вместо того, чтобы проснуться по его требованию и приготовить завтрак, просто переворачивались на другой бок.

А днем детективы поехали в гости к Шуре. Софья Марковна накануне звонила сама и настаивала на их визите. Отказаться было просто невозможно.

На столе был гусь с яблоками, рождественский пирог и сладкий ликер темно-вишневого цвета.

А за столом – подружки Софьи Марковны. Почти все они были причастны к музыке, театру и другим сферам искусства.

Мирослава с улыбкой подумала:

«Бедный Шура! Как он выживает в этом лебедином озере или парке грез?»

Но глядя на Шуру, нельзя было сказать, что ему приходилось тужо. Он легко общался с подругами матери, галантно ухаживал, делал комплименты. И всё это «барышни» принимали весьма благосклонно.

«Интересно, есть у кого-то из них мужья, любовники», – гадала Мирослава.

И конечно, разговор зашел о музыке. Самое интересное, что Морис легко вписался в это общество и активно участвовал в разговоре.

Мирослава же лишь слушала вполуха, кивала и мысленно отвлекалась от обсуждаемых за столом тем.

Нет, она, конечно, знала большинство великих композиторов, слушала оперы, хотя предпочитала оперетты и была далека от истинной высокой музыки.

Заставить ее прослушать трехчасовой концерт какого-нибудь гения прошлого или настоящего было практически невозможно, при этом она охотно ссыалась на медведя, который наступил ей на оба уха сразу и еще потоптался на них с превеликим удовольствием.

Она услышала голос Мориса:

– Разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки. Не имеющий чистой и светлой музыки народ обречен на вырождение, еще в глубокой древности говорил Конфуций. И добавлял: народ будет таким, какое у него культивируется искусство.

Дамы буквально зааплодировали ему.

– Шур, идем, посидим на кухне, – шепнула Мирослава Наполеонову, но тот фыркнул и покачал головой.

– Ма обидится, – добавил он шепотом.

Мирослава тихо вздохнула.

– Давайте выпьем за Вивальди! – предложила приятная рыжая дама в бирюзовом костюме.

Все ее поддержали.

Потом заговорила высокая тонкая блондинка с очень красивыми руками, унизированными серебряными кольцами.

– Не так давно ученые-биологи провели исследования и выяснили, что не только чувствительные сердца людей, но даже растения и животные равнодушны к гармоничной музыке. Конечно, они предпочитают классику! И касательно сельского хозяйства тоже очень важно – коровы, которым дают регулярно слушать музыку Моцарта, Вивальди, Чайковского, пребывают в отличном настроении и у них повышаются надои, а овощи и зерновые быстрее растут.

Мирослава едва сдержалась, чтобы не расхохотаться. И тут же невольно вспомнила, что, когда Морис ставит пластинки с музыкой Баха, Моцарта или Шопена на старенький проигрыватель, Дон подбирается поближе и лежит там до тех пор, пока не заканчивается звучание.

«Пожалуй, мой кот смыслит в музыке больше, чем я», – подумала она с тихой улыбкой.

И тут кто-то дотронулся до ее локтя. Это был Шура.

– Идем, – сказал он.

И они, набросив куртки, вышли на лоджию.

А дамы тем временем усадили Мориса за рояль, и он играл им одну мелодию за другой. На лоджию доносились восторженные вскрики, вздохи и возгласы: божественно! Великолепно! Гениально!

– Надеюсь, что они его не замузыкалят, – вздохнул Шура жалостливо.

– Нет, – отозвалась Мирослава, – по-моему, он счастлив.

Когда Морис и Мирослава возвращались домой по дороге, на которой почти не было машин, она поняла по просветленному выражению его лица, что он очень доволен тем, как провел Рождество у Наполеоновых.

* * *

Новогодние праздники были похожи на лениво потягивающегося кота. Они тянулись и... погружали в состояние умиротворения.

Правда, порой это умиротворение нарушалось неожиданными визитами незваных гостей.

В один из таких обещавших быть спокойным дней заявила без звонка Люся, или Люси, как звали ее друзья, – подруга Мирославы.

Морис терпел Люсю с трудом. Но куда деваться, если она подруга Волгиной и Наполеонова.

Люся же дышала к Морису неровно, она даже выпросила

у Мирославы разрешение поухаживать за ним. И когда та со смехом разрешила, с азартом принялась за дело.

Но Морис, вместо того, чтобы растаять от ее внимания, демонстрировал холодность альпийских ледников, что, в свою очередь, нервировало Люсю.

Вот и в этот раз она чуть ли не с порога принялась оказывать ему знаки внимания.

Морис вздохнул, накрыл стол для чая и сел подальше от девушки.

– Как поживает ваша тетушка? – весело спросила Люси.

– Какая еще тетушка? – отозвался он недовольно.

– Как какая?! Снежная королева. – Люся расхохоталась.

– Тетушка живет хорошо, – отчетливо произнес Морис и отвернулся.

– Не злись, красавчик. Это я любя.

– Разве я просил меня любить? – усмехнулся он холодно.

– Но ведь сердцу не прикажешь. – Она простодушно захлопала ресницами.

– Ладно, не ссорьтесь, – сказала Мирослава и спросила: – Ты Рождество встречала с родителями?

– Нет, – помотала головой подруга, – они захотели отдохнуть от меня и спланировали меня из дома.

– Чему ты была несказанно рада, – поддела ее Мирослава.

Люся засмеялась:

– Точно. Так что мы тусили с компанией в клубе. Но вы ведь домоседы и не любите вечеринок!

– Ага, – отозвалась Мирослава.

– Но вы куда-то все-таки ездили?

– Да, были у Наполеоновых на Рождество.

– Представляю, какая скука! – закатила глаза Люся.

– Неправда, – возразил Морис, – мы прекрасно провели у них время.

– Особенно весело было Славе, – расхохоталась Люся.

– Разве вам там было скучно? – встревожился Морис.

– Нет, конечно, – успокоила его Мирослава.

– Она ни в жизнь не признается, – подлила масла в огонь Людмила.

– Не обращай внимания. – Мирослава легко коснулась руки Мориса.

– Да, кстати, я чего приехала, – всплеснула руками Стефанович.

– Привезла нам подарки, – улыбнулась Мирослава.

– Точно! – Люся сорвалась с места, сбегала за своей сумкой и принялась выкладывать на диван коробки конфет, пушистый шарф, носки, книги и прочее.

– Вот, – сказала она, – потом разберете, что здесь кому.

– Мы тоже тебе кое-что приготовили, – произнесла Мирослава, вышла ненадолго и вернулась назад с маленькой коробочкой в руках.

Люся тотчас открыла ее и ахнула:

– Ой, Славка! Какая прелесть! – Она кинулась на шею подруге и принялась ее целовать.

Потом бросилась к зеркалу, вынула из ушей свои серьги и вставила бриллиантовые розочки, что вручила ей Мирослава.

Они сияли, казалось, всеми цветами радуги.

– Спасибо, ребята! – воскликнула она.

Морис собрался сказать, что он не имеет никакого отношения к этому подарку, но Мирослава приложила к своим губам указательный палец, и он, смирившись, промолчал.

Восьмого января поехали в гости к Стефановичам. Люся, прощаясь, настаивала на ответном визите и уверяла, что родители будут ждать и обидятся, если ожидание окажется напрасным.

Мирослава сказала, что нужно ехать. Морис вздохнул и согласился.

Отца Люси Павла Степановича, крепкого добродушного мужчину с пшеничными усами, Морис уже знал хорошо и относился к нему с уважением и симпатией. А с мамой Анной Федоровной, симпатичной полноватой блондинкой, был почти не знаком.

Но встретили их тепло, как родных, собственно, Мирославу родители Люси, наверное, на самом деле считали родным человеком, а Морис был при ней.

К тому же визит был непродолжительным, и Морис выдержал испытание с честью.

Старый Новый год встречали у тети Виктории.

Морис уговаривал себя: праздники уже скоро закончатся.

К счастью, гостей в доме Мирославиной тетки было немного и практически все они были уже знакомы Морису.

На столе к их приходу почти все было расставлено, кроме блюда под названием «Селедка под шубой».

Его Виктория почему-то всегда готовила сама. И вот наступил торжественный момент...

– Шовинизму и упадку – бойкот и анафема! – торжественно произнесла Виктория, внося блюдо с селедкой под шубой.

Некоторые из присутствующих недоуменно переглянулись. На этот раз хозяйка придумала что-то новенькое?

Заметив растерянность на лицах гостей, Виктория весело проговорила:

– Ну как же, дорогие мои! Ведь селедка-то под шубой – блюдо революционное и придумано трактирщиком Анастасом Богомиловым в тысяча девятьсот восемнадцатом году, вернее, в его конце, накануне девятнадцатого года.

Вот он и назвал его на волне революционного энтузиазма – ШУБА, что означало – «Шовинизму и упадку – бойкот и анафема».

Но так как революции больше не предвиделось, гости вздохнули облегченно, уселись за стол и подняли бокалы с

шампанским за проводы старого-старого Нового года.

Через какое-то время старый Новый год был благополучно встречен.

Мирослава называла молодого мужа тети дядей и дядюшкой. Так называемый дядя был старше племянницы на три года... или чуточку больше.

Морис называл его, естественно, по имени и знал, что Игорь младше жены на 16 лет. Из этого никто не делал тайны.

– Дядя, почему у вас под елкой нет Снегурочки? Или хотя бы снеговика? – спросила Мирослава.

– Хм, – хмыкнул Коломейцев, – в этом заслуга твоей тетушки.

– То есть? – удивилась Мирослава.

– Про елочные игрушки я вообще молчу. Но в кондитерском отделе я предлагаю ей: дорогая, давай купим снегурочку? А она заявляет:

– Никаких баб в моем доме!

– Но она же шоколадная!

– Вот именно!

– Что ты этим хочешь сказать?

– То, что сказала. Никаких дам в шоколаде!

– Ну, тогда давай возьмем снеговика!

– Нет!

– Чем тебе не угодил снеговик?

– Потому, что это не снеговик, а снежная баба!

– Но тут же написано – снеговик!

– Мало ли что тут написано! Она маскируется! Или ориентацию сменила.

Игорь развел руками, а Мирослава весело расхохоталась.

– О чем это вы там шепчетесь? – спросила Виктория.

– Мирослава интересуется, почему у нас нет Снегурочки, – отозвался Игорь.

– И ты ей, конечно, объяснил? – Виктория хитро посмотрела на мужа.

– Естественно, – отозвался он невозмутимо.

– Тетя! Что у тебя за ручка такая?! – Мирослава кивнула на простую шариковую ручку, лежащую поверх блокнота. – Три копейки при советской власти заплачено!

– Ничего, – проговорила Виктория, – Бальзак писал вороньими перьями...

– О! Я думала, гусиными.

– Гусиными – Пушкин.

После этого разговор зашел о том, что Виктория начала писать новую книгу.

– Историческую, – добавил Игорь.

– А какой период истории? – поинтересовался кто-то.

– Средние века, набег печенегов.

– Шура, ты знаешь, кто такие печенеги? – подмигнула другу Мирослава.

– А то! – отозвался тот, дожевывая кусочек пирога с ежевичным вареньем.

– Ну и кто же?

– Это такие люди, которые всю жизнь на печи нежата, – и добавил со вздохом: – Но их теперь почти не осталось.

– Почему?

– Потому, что даже в деревнях газ, батареи и никаких печей.

– Интересно...

– Так что скоро будут батаренеги, – заключил Наполеонов. Все рассмеялись. А Виктория только покачала головой.

За столом долго засиживаться не стали. Гости разбрелись кто куда.

Шура с Игорем отправились в сад.

А Мирослава о чем-то тихо переговаривалась со своей второй теткой – тетей Зоей, или Заей, как звали ее в семье.

На этот раз тетя Зая была в настроении и говорила, что Витя, ее сын и двоюродный брат Мирославы, обещал скоро приехать.

Морису была симпатична эта строгая элегантная женщина.

Она, несмотря на предложения младшей сестры и племянницы купить ей другую машину упорно ездила на «Ниве».

С младшей сестрой внешне они были и похожи и не похожи одновременно. Вроде бы одни черты лица, глаза, волосы, но в то же время неуловимо отличаются. Виктория яркая, эмоциональная, а Зоя строгая и спокойная.

Примерно через час все снова собрались вместе, хозяин дома объявил танцы, и Морис потанцевал и с Викторией, и с Зоей.

Когда они возвращались домой, он, блаженно улыбаясь, выдохнул:

– Ура! Праздники закончились!

– Рано радуешься, – осадила его Мирослава, – впереди еще Крещение!

– Что?!

– На дорогу смотри, а то мы в сугроб въедем, – хмыкнула Мирослава и, сжалившись над ним, добавила: – Да ладно, не бойся. В прорубь нырять не будем.

– Обещаете?

– Обещаю.

Прошел месяц. Наступил второй месяц зимы – февраль. Не холодный, но снежный. Во второй декаде почти каждый день шел снег.

Дон внимательно следил за тем, как Морис чистит дорожки, и несколько не обижался, когда рядом с ним, взметая снежный фонтан, падал снежок. Только отскакивал в сторону и отряхивал свою черную шелковистую шубку.

В один из таких снежных дней в агентство позвонила женщина и стала умолять принять ее по очень важному делу.

Морис попросил звонившую представиться.

– Бэлла Петровна Лукина, – проговорила она в трубку, словно бы с трудом.

Морису фамилия показалась знакомой, и через миг он вспомнил странного январского посетителя с женской туфелькой.

– Андрей Петрович Лукин ваш родственник? – спросил он.

– Да, мой родной брат. Его арестовали, – голос женщины задрожал, – пожалуйста!

– Минуточку, оставайтесь на связи.

К облегчению Мориса, Мирослава согласилась принять Лукину, и ей была назначена встреча на два часа дня. Но потом, подумав, Волгина добавила:

– Пусть приезжает, как сможет. Сейчас, наверное, везде заносы.

Сестра Лукина прибыла даже раньше назначенного срока. Она с благодарностью кивнула Морису, который помог ей выйти из автомобиля и проводил до кабинета Мирославы.

В первое мгновение женщины внимательно оглядели друг друга.

– Я Бэлла Петровна Лукина, – представилась посетительница, – сестра Андрея Петровича Лукина.

– Мирослава Волгина. Чем могу быть полезной?

– Моего брата вчера арестовали по обвинению в убийстве.

– Тогда вам нужен адвокат.

– Нет, вы не поняли. Андрей не виновен! Его подставили.

Я хочу, чтобы вы нашли настоящего убийцу.

– Кого убили?

– Ребенка.

– Ребенка? Чьего?

– Андрея.

– У вашего брата был ребенок?

– Нет, еще не было. Понимаете, кто-то напал на беременную невесту Андрея и ударил ее ножом в живот.

– Невеста жива?

– Пока да.

– Почему обвинение предъявили вашему брату?

– На ноже нашли отпечатки пальцев Андрея.

– Вот как? Но откуда у полиции возникли подозрения, что напал на девушку именно ваш брат?

– Они сказали, что им кто-то позвонил и сообщил, что ее убил жених.

– Все равно не понимаю. Как полиция узнала, что Андрей – жених этой девушки? Как, кстати, ее зовут?

– Майя Дементьева. Ее нашел сосед, и он всех поставил на ноги.

– Полицию?

– «Скорую», родителей Майи, соседей, полицию тоже. Но им кто-то уже раньше позвонил и сказал, что Майю убил ее жених, то есть Андрей Лукин, и назвали наш адрес. Они сразу к нам и приехали. И понимаете, этот нож наш!

– Какой нож?

– Которым убили.

– Вы уверены, что он ваш?

– Да, он из нашего дома. У нас набор из двенадцати ножей.

И этот – один из них.

– Значит, убит ребенок?

– Да, ребенок. А Майя тяжело ранена. Они с Андреем должны были вот-вот пожениться. Они ждали этого ребенка. Зачем Андрею было его убивать?

– Может, убить хотели Майю?

– Не знаю. – Бэла Петровна уронила руки на колени. – Умоляю вас, спасите брата! Он не виноват! Его подставили.

– Кто?

– Я не знаю.

– Но вы кого-то подозреваете?

– Я не уверена, но...

– То есть имеются заинтересованные лица?

– Жених, бывший жених Маечки угрожал Андрею.

– Ему или Майе?

– Андрею, – тяжело выдохнула Лукина.

– Понятно. А еще?

– Родители ее тоже не одобряли брака Андрюши и Маечки.

– Я думаю, что родители не могли напасть на свою дочь.

– Да, конечно. – Женщина затравленно глянула на детектива.

– Есть еще кто-то?

– Понимаете... мой племянник... После того как брат узнал, что Вадик гей, он выгнал его из дома и лишил наслед-

ства.

– А ваш племянник мог претендовать на наследство вашего брата?

– Да, наш старший брат Борис погиб вместе с супругой в аварии, когда Вадик и Элечка были совсем малышами, и мы с Андрюшей их вырастили.

– А ваш брат ни разу не был женат?

– Нет, так получилось, – вздохнула Бэла Петровна.

– И никогда не собирался жениться?

– Ну почему же, собирался. Двадцать с лишним лет назад у него была большая любовь. Но Лидочка, тогдашняя невеста Андрюши, бросила его чуть ли не на пороге загса.

– По какой причине?

– Она не объяснила. – Лукина отвела глаза.

– Странно.

– Да, – кивнула женщина, не поворачиваясь.

– Может быть, ваш брат ее чем-то обидел?

– Может быть, – вздохнула Лукина.

– Хорошо, оставим дела давно минувших дней и попробуем разобраться в нынешних.

Из груди женщины вырвался вздох облегчения.

– И еще вопрос, – сказала Мирослава, – не ругался ли ваш брат с Майей?

– Нет, что вы! – искренне воскликнула Лукина, – они души друг в друге не чаяли.

– Вы оставите мне координаты родителей Майи?

– Да, конечно.

– А также адрес, где теперь проживает ваш племянник.

– Я спрошу у Эли и перезвоню вам.

– Хорошо.

– А как зовут соседа, который нашел Майю?

– Этого я не знаю. Знаю только, что он живет на первом этаже.

После того как Морис проводил Лукину, детективы долго еще сидели в кабинете Мирославы, пытаясь разложить по полочкам уже имеющуюся у них информацию.

– Как причудливы порой изгибы судьбы, – проговорил Морис.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что ни вы, ни я не могли предположить, что снова встретимся с Лукиным.

– Допустим, что с ним самим мы не встретились.

– Пока, – улыбнулся Морис.

– Я тогда приняла его за невменяемого...

– А что вы думаете теперь?

– Не знаю, – пожала она плечами.

– Надеюсь, вы не думаете, что Лукин мог ударить ножом свою нынешнюю невесту?

– Я этого не знаю, – снова проговорила Мирослава. –

Кстати, посмотри в интернете, чем он занимается. Судя по шубе и бриллиантам госпожи Лукиной, ее брат человек не бедный.

– Может быть, все это купил ей ее муж, – предположил Морис.

– Она не замужем.

– Откуда вы знаете? – удивился Морис.

– Знаю, и всё.

– Опять интуиция? – усмехнулся он.

Вскоре из интернета детективы узнали, что Лукин занимается гостиничным бизнесом, и дела у него идут очень даже хорошо.

– Даже странно, что его бросила прежняя невеста, – проговорил Морис.

– Вероятно, тогда Лукин еще не был бизнесменом, – предположила Мирослава.

– Сейчас посмотрим, – откликнулся Морис, – точно, его бизнесу всего пятнадцать лет. И первые пять лет он не процветал, дела пошли в гору только десять лет назад.

– Ну вот, видишь.

– С чего вы собираетесь начать?

– Завтра с утра пораньше поеду в город и постараюсь подробно расспросить соседа, который первым обнаружил Майю.

Глава 3

Сугробы, опушенные только что выпавшим снегом, ослепительно сверкали на солнце, разбрызгивая искры всех оттенков радуги. Ветви деревьев, покрытые снегом, лениво шевелил ветер, роняя наземь белые хлопья. Трудно было представить, что в этой атмосфере покоя и чистоты кто-то может захотеть совершать преступления.

Но едва «Волга» Мирославы въехала в город, как ощущения ее кардинально изменились. Снег здесь уже успел посереть, гул, состоящий из какофонии всевозможных звуков, был неотъемлемым фоном всех событий, происходящих в мегаполисе. И даже сам воздух был другим.

Мирослава доехала до дома Майи Дементьевой и подумала:

«Интересно, где владелец гостиничного бизнеса мог познакомиться с девушкой из старого панельного дома? Ведь, судя по всему, Майя проживала с родителями именно здесь».

На подъездной двери даже домофона не было.

Мирослава поднялась на первый этаж и нажала на звонок первой же квартиры. Ей открыла полная крашеная блондинка лет шестидесяти пяти. В руках она держала бутерброд, от которого пахло чесночной колбасой.

– Вам кого? – спросила блондинка.

– Вас, – ответила Мирослава.

– Меня? – удивилась женщина, подумала и спросила: – А вы кто?

– Вот об этом нужно было спрашивать, прежде чем распахивать передо мной дверь, – мягко заметила Мирослава.

Женщина хмыкнула:

– Кому мы тут нужны.

– Отвечаю на ваш первый вопрос: я детектив. – Мирослава развернула удостоверение. – Теперь на второй: совсем недавно в вашем подъезде было совершено нападение на девушку.

– На Майку, что ли? – хмыкнула блондинка, – так я не беременная и замуж за олигарха не собираюсь.

– А можно поподробнее?

– Да чего уж подробнее-то?! – возмутилась женщина. – Сами же забрали ее жениха! Ясное же дело, что мужик жениться не хотел, а она его заставляла!

– Как же она могла его заставить?

– Принуждала!

– Чем?

– Да пузом же!

– Сейчас этим не принудишь, – возразила Мирослава.

Блондинка откусила чуть ли не половину бутерброда, не спеша прожевала и ответила:

– Допустим, он не женился бы. Но какие алиментищи пришлось бы ему платить ей!

– Не ей, а ребенку.

– Какая разница?! Все одно на эти деньги Майка бы шиковала.

– Сестра жениха утверждает, что ребенок был желанным для обоих родителей.

– А чего же ей теперь остается утверждать? – ухмыльнулась блондинка. – Братца-то надо как-то отмазывать.

– Скажите, а какие у вас отношения с Дементьевыми?

– Да никакие, – отмахнулась женщина.

– Вы с ними случайно не в ссоре?

– Как же я могу с ними поссориться, – возмутилась блондинка, – если они со мной только здрасьте и до свидания?!

– Почему?

– Ха! А вы не слыхали, что гусь свинье не товарищ?

– Доводилось слышать.

– Так вот, я кто?

– По-моему, человек, – невольно улыбнулась Мирослава.

– Человек-то, может, и человек. Но человек человеку рознь!

– Интересная философия.

– Какая уж там философия! Я всю жизнь пивом торговала, тем и жила. И надо сказать, неплохо. А Дементьевы интеллигенты! Копейки от получки до получки считали. Но ученые они! Воспитанные!

– Они занимаются наукой?

Блондинка вытаращила на детектива.

– Кто это вам сказал?

– Вы только что.

– Я?

– Вы сказали, что они ученые.

– А, в этом смысле... – с удовольствием чавкнула собеседница, – нет, инженеры они оба. Пропавшие люди, – со вздохом констатировала блондинка.

Мирослава даже не стала удивляться, только подумала про себя:

«Того гляди, сейчас крокодилью слезу уронит».

А вслух спросила:

– А кто обнаружил Майю?

– Гришка Дудин.

– А как его по отчеству?

– Григорий Семенович, – нехотя ответила дама.

– И в какой квартире проживает Григорий Семенович Дудин?

– Вон! Напротив Гришка живет!

– Спасибо большое. Забыла спросить, как вас зовут?

– Калерия Пестимьяновна Фролова.

– До свидания.

– Ага, – сказала Фролова, но дверь закрывать не спешила.

Мирослава позвонила в квартиру напротив.

– Кто? – спросил мужской голос.

– Детектив, я сейчас удостоверение к глазку положу.

– Не надо, я вас вижу.

Дверь открылась. На пороге стоял высокий кряжистый мужчина с пышной шевелюрой каштановых, щедро пересыпанных сединой волос.

– Здравствуй, Гриш! – донесся из-за спины Мирославы голос Фроловой.

– Здравствуй, коль не шутишь, – отозвался мужчина и тотчас обратился к Мирославе: – Заходите, чего на пороге стоять.

Волгина зашла, и хозяин закрыл входную дверь.

– Достала уже всех, сплетница, – пробурчал он.

– Вы ведь Григорий Семенович Дудин?

– Он самый.

– С вашей соседкой я уже успела пообщаться.

– С ней общаться что воду пить из тухлого болота.

– Детективам выбирать не приходится, – осторожно произнесла Мирослава.

– Это понятно. Только вы не принимайте к сведению весь тот бред, что вам Калерия наговорила.

– Хорошо, уговорили, – улыбнулась Мирослава, усаживаясь в кресле, которое предложил ей хозяин.

Он подошел к окну и раздвинул портьеры.

– Извините, я вчера допоздна засиделся за чтением, встал поздно.

– Ничего страшного. Это вы извините, если я вас разбудила.

– Нет, не разбудили, я уже и чаю напился. Кстати, вам на-

лить?

– Нет, спасибо.

– Я хозяйин-то никакой. Супруга отъехала к внучке, у нас правнук родился. Вот решила там немного пожить, помочь, значит, молодым. А меня домовничать оставила. Ой, я, никак, заболтался, – одернул он себя, – вы же по делу пришли...

– Да. Вы первым обнаружили раненую Майю Дементьеву?

– Я, – вздохнул хозяйин, – пошел покормить Мурзика...

– Мурзика?

– Ну да, кот у нас тут приبلудный живет. Хотел вынести ему рыбу, что у меня от ужина осталась. Выхожу, а в подъезде кто-то стонет. Я очки из кармана достал, надел, спустился по ступенькам, а там прямо в предбаннике лежит девушка. Наклонился, Майя. И крови много натекло. Я «Скорую» вызвал, потом полицию, соседям стал стучать. Пока «Скорая» приехала, Майя стонать перестала. У меня душа в пятки ушла.

– Это вы ее родителям сообщили?

– Нет...

– Почему?

– Струсил я, – виновато признался мужчина.

– Понятно. А вы не видели, до вас никто в полицию не звонил?

– Кому же звонить-то? – развел руками Григорий Семенович. – Я же один был.

– Может быть, кто-то раньше вас обнаружил Майю?

Дудин покачал головой:

– Это навряд ли.

– Может, ваша соседка?

– Калерия? Нет, она, конечно, та еще стерва, но, насколько я ее знаю, она бы начала орать и в двери биться. Беспомощную умирать бы не оставила.

– А вы хорошо знаете Фролову?

– Да уж сорок лет.

– А родителей Майи?

– Дементьевых я знаю лет двадцать с гаком.

– И что вы можете о них сказать?

– Да что же можно о них сказать? – удивился Дудин. – И Владимир Сергеевич, и Алена Михайловна – приличные люди.

– Ваша соседка назвала их пропащими.

– Я же сказал вам, – с досадой отозвался Григорий Семенович, – не слушайте вы эту болтушку. У Калерии все, кто пиво водой не разбавлял, неудачники.

– Интересно, – проговорила Мирослава, – а саму ее можно назвать удачливой?

– Это смотря с какой стороны глядеть. В свое время она как сыр в масле каталась. «Жигули» первая из всего двора купила. Детям кооперативы построила, потом тоже машины накупила. Дачу себе приличную по тем временам отгрохала.

– Но осталась жить в старом доме?

– Высовываться особо не хотела. И потом, чем ей тут плохо? Три комнаты. А евроремонт она сделала. Оповестила об этом всех и каждого. Даже бомжи и дворняжки в курсе. Только вот дети к ней давно нос не кажут. И она их теперь поливает каждый день, неблагодарные, мол.

– А муж?

– Муж, – усмехнулся Дудин, – Михалыч давно ушел от нее на дачу. Там и живет безвыездно. Она же ему всю плешь проела!

– За что?

– Так как же? Мол, захребетник, живет за ее счет. Он всю жизнь на заводе токарем отработал. Ушел на пенсию и от супруги отпочковался.

– Григорий Семенович, – спросила Мирослава, – а не мог кто-то посторонний зайти в подъезд, увидеть Майю и позвонить в полицию?

– Кому заходить-то, – задумался Дудин.

– Может, в гости кто-то к кому-то шел. Увидел, испугался.

– Может, и так, но разумнее было бы в «Скорую» позвонить.

– Люди разные бывают...

– Вы хотите обойти соседей и узнать, не ждал ли кто гостей?

– Сегодня я этого делать не буду.

– Понятно, Дементьевых в их горе тревожить не хотите, – догадался он.

Мирослава кивнула.

– Давайте сделаем вот так, – предложил Григорий Семенович, – мне ловчее будет узнать, ждал кто кого этим вечером в гости или нет. Я почти со всеми в хороших отношениях. Расспрошу народ, а вы мне денька через два позвоните.

– Буду вам очень благодарна, Григорий Семенович.

– Ну вот и лады, – обрадовался Дудин, – я вам сейчас телефон свой дам.

– Только я должна вас предупредить, – проговорила Мирослава, принимая из его рук листочек бумаги с записанным на нем номером телефона.

– О чем? – удивился он.

– Я не из полиции. Я частный детектив. Меня наняла сестра Андрея Лукина, которого обвиняют в убийстве.

– Понятно...

– Так вы не передумали мне помочь?

– Не передумал, – ответил Дудин. Помолчал и добавил: – Я, конечно, человек посторонний, но признаюсь вам, что не лежала у меня душа к этому Лукину.

– Почему?

– Ну, подумайте сами, мужику к пятидесяти подкатывает. Майя ему в дочери годится, а он на ней жениться собрался.

– Сейчас у многих мужья, а то и жены на двадцать, тридцать лет старше, – заметила Мирослава.

Дудин сердито отмахнулся от ее слов.

– Вы думаете, что Лукин мог захотеть избавиться от неве-

сты?

– Нет, какой там! – замахал руками Дудин. – Он, наоборот, горел желанием жениться на ней. А родители Майи были против. Да и сама она вроде и хотела за него идти, а все тянула. Беременная ведь уже была, и живот заметный.

– Почему же Майя все-таки хотела выйти за Андрея Петровича?

– Так всё деньги! Всё они, проклятые! Задурили девкам голову совсем в последнее время!

– Кто задурил?

– Как кто?! – всплеснул руками Дудин. – Реклама и передачи всякие вздорные!

– А...

– Вы давно глядели телевизор? – спросил он подозрительно.

– Давно, – призналась Мирослава.

– А вы поглядите и сразу узнаете, что быть дояркой или там учительницей, как сейчас говорят, не престижно. Надо или на сцене, простите за выражение, задницей вилять, или олигарха, как они теперь выражаются, окучивать. Вот боюсь, что Майя и доокучивалась.

– Вы намекаете на соперницу? – спросила Мирослава.

– А что? Очень даже может быть. Теперь вон по телевизору призывают за мужиков драться. Нет, вы только подумайте! – искренне негодовал Григорий Семенович. – Раньше рыцари, мушкетеры там за женщин сражались, даже в дерев-

нях парни на кулаках дрались, а теперь девки друг дружке волосья выдергивают. Уже и до ножей дошло! Тоже не так давно показывали.

– Да, вы правы, – вздохнула Мирослава и подумала о том, что сама она эту версию в расчет не брала.

– А вы не знаете, Майе никто не угрожал?

– Нет, не слышал. Эдик обещал Лукину накостылять. Но Майю он никогда бы не тронул.

– Это прежний парень Майи?

– Да, можно сказать, жених. Хороший парень. И родителям Маечкиным нравился. Так нет же!

– Почему же Майя с ним рассталась?

– Все потому же, что Эдик не может построить загородный дом, купить шубу, бриллианты, возить в заморские страны. По крайней мере, сейчас.

– Грустно, – согласилась Мирослава.

– Еще как! – махнул рукой Григорий Семенович. – А ведь жили же мы когда-то как люди! Парни и девушки женились по любви, пели песни о рябиновых бусах.

Втягиваться в дискуссию на тему, когда было лучше, тогда или сейчас, Мирославе не хотелось. Она искренне поблагодарила хозяина за помощь и распрощалась с ним, пообещав позвонить через два дня.

С операми Мирослава разминулась совсем немного.

Любаве Залесской следователь дал задание опросить соседей в доме Дементьевых.

– Мне одной пойти? – спросила она.

– Нет, с Ринатом, подождешь его там во дворе.

– Хорошо.

Хотя, конечно, Любаве очень хотелось отправиться на задание с Димой Славиным. Его ореховые глаза уже давно запали в ее душу. Но что поделаешь...

Ринат Ахметов тоже очень неплохой вариант для совместной работы. Тем более что она считала его не только своим лучшим другом, но и ангелом-спасителем и хранителем.

Именно Ринат когда-то, увидев на вокзале плачущую девушку, не прошел мимо, снял для нее номер в гостинице и, узнав о приключившейся с ней беде, предложил выход. Привез к себе домой, познакомил с женой, мудрой и прекрасной Гузель, и маленькой дочкой Гулей. Семейная пара настояла, чтобы Любава временно пожила у них. Всеми правдами и неправдами, подключив начальство, Ринат Ахметов выбил для нее вид на жительство, а потом и гражданство. И устроил работать к себе в отдел, благо у Любавы был за плечами юридический институт и опыт работы на малой родине в полиции. Ей даже звание сохранили.

За Рината, Гузель и Гулю мать Любавы в Полтаве никогда не забывала ставить свечку в храме. Ну и что, что они мусульмане, рассуждала добрая женщина, Бог-то один, говорила она, он всегда отличит хороших людей от плохих.

Любава пришла во двор Дементьевых заранее и, присев на качели, стала медленно раскачиваться. Через некоторое время ей показалось, что Ринат запаздывает. Она глянула на часы. Нет, до назначенного времени оставалось еще целых двадцать минут.

А Ринат, как чаще всего и бывало, после завтрака, приготовленного Гузель, и краткого, но теплого ритуала утреннего прощания с женой повел в детский садик их сокровище – дочку Айгуль или, как звали девочку дома и в садике, Гулю.

Гуля сначала спешила и даже тащила отца за руку.

– Папа, ну быстрее же!

– А мы что, опаздываем? – поинтересовался Ринат.

– Мы мерзнем!

– Разве? – усомнился он.

– Мерзнем, мерзнем, – сказала ему дочь, просто ты этого пока не чувствуешь.

– Надо же, – покачал он головой.

И вдруг Гуля встала как вкопанная. Ринат от неожиданности чуть не споткнулся.

– Что случилось? – спросил он.

– Папа, подними голову, – попросила Гуля, – и посмотри на небо.

– Смотрю, – покорно ответил отец.

– Ты видишь?

– Что?

– Слоника!

– Какого слоника? – растерялся Ринат.

– Белого! Ну вон же он, облако большое плывет! Это и есть слоник! Хобот, уши, лапки.

– Ноги, – машинально поправил он.

– Пусть ноги, – согласилась девочка, – но ты видишь его?

– Конечно, вижу, – быстро сориентировался отец.

– Папа, как ты думаешь, – расстроенным голосом спросила Гуля, – ему очень холодно?

– Кому? – не понял Ринат.

– Да слонику же!

– А, слонику. Нет, – уверенно проговорил он.

– Почему? – заинтересовался ребенок.

– Потому, что это наш слоник. Он закаленный.

– И он никуда не спешит?

– Конечно, нет. Он просто гуляет по утреннему небу.

– Тогда ладно, – успокоилась Гуля, – но знаешь, что, папа, – тут же проговорила она.

– Что?

– Давай проводим слоника до его дома.

– Видишь ли, Гуля, – сказал Ринат, – слоник нас с тобой в гости не приглашал, и, может быть, он не хочет, чтобы мы знали, где его дом.

– Ты так думаешь? – засомневалась девочка.

– Я почти уверен в этом.

– Тогда давай проводим его хотя бы до той елки.

– До той елки можно, – согласился Ринат, прикидывая, успеет ли он, сдав свое сокровище на руки воспитателя, добраться вовремя до места, где его ждала старший лейтенант Любава Залесская.

Дойдя до елки, они еще некоторое время постояли возле нее. Гуля махала рукой вслед уплывающему слонику и тихонько вздыхала, точно прощалась с близким другом.

Собрав в кулак все свое терпение, Ринат сказал:

– Все, Гуленька, нам пора, иначе я опоздаю на работу, и меня уволят.

– А это страшно? – поинтересовалась дочь.

– Очень! – вполне серьезно заверил ее отец.

– Я думаю, что нас мама прокормит...

– Прокормить-то, может, и прокормит, – вздохнул он, – но без работы я помру.

– Нет, папочка, – испугалась Гуля, – не надо! Побежали скорее в садик.

Ринат подхватил дочь на руки и на самом деле побежал, стараясь не поскользнуться.

Чмокнув Гулю в щеку, он так же быстро помчался на автобусную остановку. Прибыл на место он минута в минуту и увидел Любаву, задумчиво покачивающуюся на дворовых качелях.

– Привет, красавица, – улыбнулся он, – не замерзла?

– Нет, – улыбнулась она в ответ, – а у вас с Гулькой опять что-то приключилось необычное?

– Угадала!

– И что же на этот раз?

– Мы слоника провожали.

– Какого слоника? – изумилась Любава.

– Облако.

– А! Проводили?

– Да, до елки. Слезай быстренько с качелей и пошли ра-
ботать.

– Пошли, – притворно вздохнула она.

* * *

Вечером в загородный коттедж прибыл Шура. Настроение у него было хорошее, и он нисколько не расстроился, когда Мирослава стала расспрашивать его о том, кто ведет дело Лукина.

– Я и веду, – признался он.

– И как, успешно?

– Весьма, весьма. А что у нас сегодня на ужин?

– Шура!

– Пока не поем, разговоры с тобой вести не буду! – заявил он категорично.

– Ладно. Морис, мы можем начинать кормить проглота?

– Ровно через десять минут, – отозвался Миндаугас.

А Наполеонов обиделся:

– Никакой я не проглот! И если будешь обзывать, я навешу на рот замок!

– Амбарный! – усмехнулась Мирослава.

– Да хоть бы и амбарный! – раскипятился Шура.

– А как же ты есть будешь? – язвительно поинтересовалась подруга детства.

– Буду снимать и надевать!

Мирослава расхохоталась. Но тут появился Морис:

– Добро пожаловать в столовую.

Шура рванул с места с такой скоростью, что чуть не сшиб Миндаугаса, стоявшего возле двери.

– Голодный, как всегда, – улыбнулся Морис.

– Ненасытный! – фыркнула Мирослава.

– Да ладно, – Миндаугас ласково коснулся ее плеча, – что вам, жалко накормить хорошего человека?

– А ты уверен, что человек-то хороший? – поддела его Волгина.

– Конечно! Так же как и вы!

– Ну ладно, идем. А то этот хороший человек съест все и нас голодными оставит.

Они рассмеялись.

– Смейтесь, смейтесь, – донеслось из столовой, – маленького следователя каждый может обидеть.

– Никто тебя не собирается обижать, – сказала Мирослава

и чмокнула его в макушку.

Наполеонов зажмурился и промурлыкал:

– Вот так-то лучше.

После чая Мирослава попыталась разговорить Наполеонова.

– Это тайна следствия, – важно заявил он.

– Я и не собираюсь выведывать у тебя секретные материалы.

– А чем же ты сейчас занимаешься? – прищурил он свои глаза с лисьей хитринкой.

– Пытаюсь получить ответы на вопросы, которые через день уже опубликуют все СМИ.

– Откуда они узнают?

– От верблюда! Шура! Не юли. Скажи мне то, что не является секретом.

– Например?

– Лукин признает себя виновным?

– Нет, как и все они.

– Кто они?

– Преступники!

– Это может решить только суд.

– Ну да, ну да, – покивал он.

– Начнем заново. Значит, Лукин не признает себя виновным?

– Клянется, что не виноват. Что ни на какую встречу не ездил и ничего не знает. Но алиби у него нет. Звонок невесте

сделан с его телефона. Сам Лукин утверждает, что не звонил, а телефон потерял, – выпалил Шура.

– Погоди, погоди! Не так быстро. Телефон у него нашли?

– Нет! Вернее, нашли, но другой.

– Невесту Лукина ударили ножом в подъезде?

– Да.

– Она встречалась с Лукиным?

– Нет! Прождала его целый час в кафе недалеко от дома.

А он не пришел!

– Она не могла ему позвонить?

– Звонила. Телефон молчал.

– Выходит, что Майя в этот вечер возвращалась с несостоявшейся встречи с женихом?

– О чем я тебе и толкую уже битый час!

– А ты не спросил Лукина, звонил ли он невесте?

– Говорит, что нет.

– А вы распечатали звонки с их телефонов?

– С телефона Дементьевой и с нового телефона Лукина – да. Звонок был сделан со старого телефона Лукина.

– А что все-таки случилось с его старым телефоном?

– Он утверждает, что потерял его, вернее, считает, что телефон у него украли.

– Может быть, так и есть?

– Но невеста уверяет, что звонил ей Андрей, правда, она уже почти заснула, но голос жениха-то могла отличить от голоса постороннего человека.

– То есть, когда Майе позвонили с телефона Лукина, она уже спала?

– Говорит, что просто дремала.

– И не сообразила, что звонок с потерянного телефона?

– Думаю, что она на это не обратила внимания. Но голос был его!

– Можно прикрыть телефон шарфом и говорить шепотом, изменив голос. Ты не спросил ее, громко ли с ней разговаривал жених?

– Не спросил.

– Она сейчас в больнице?

– В больнице. Потеряла ребенка. Вернее, ее пришлось экстренно оперировать. Но ребенок был уже мертв. Девушка пришла в себя, узнала, что больше не беременна, и у нее началась истерика. Врачам пришлось ее усыпить.

– Как это усыпить?!

– В смысле дать ей снотворное. И поговорить с ней мне удалось только сегодня утром.

– Как она?

– Плохо. Я имею в виду морально. Ее физическому здоровью, по уверениям врачей, ничего не угрожает.

– И Дементьева сказала тебе, что звонил ей жених?

– Да, и просил подойти к кафе.

– Она не спросила зачем?

– Спросила, но он отключился. Девушка, естественно, перепугалась, подумала, что что-то случилось, наскоро оделась

и поспешила к месту встречи. Но Лукин не пришел. На звонки не отвечал, и она вернулась домой абсолютно расстроенная.

– И естественно, не смотрела, идет ли кто-то следом за ней?

– Естественно.

Почему полиция решила, что напал на Дементьеву именно Лукин?

– Начнем с того, что нам позвонили.

– И это кажется мне весьма подозрительным.

Наполеонов хмыкнул.

– На ноже отпечатки пальцев Лукина.

– Он похож на идиота?

– В смысле?

– В смысле на человека, оставляющего свои отпечатки на орудии убийства?

– Похож, не похож, спорный вопрос, – пожал плечами Наполеонов, – и потом, он же не знал, что нам позвонят, и мы накроем его тепленьким. Зато он знал, что его отпечатков в нашей картотеке не было. Можно сказать, что мужика погубила самонадеянность.

– То, что ножи принадлежат Лукиным, установлено точно?

– Да. И хозяйка их признала, и сам Лукин.

– Боюсь, что я бы не смогла со стопроцентной уверенностью признать свои ножи, – задумчиво проговорила Миро-

слава.

– А я бы смог, – тихо вздохнул Морис.

Волгина бросила в сторону помощника далеко не добрый взгляд.

– Извините, – произнес он.

– Правильно, – одобрил поступок Миндаугаса Шура. – Платон, ты мне друг, но истина дороже.

– Алиби у Лукина нет?

– Нет! – констатировал Наполеонов чуть ли не торжествующе.

– Что же он делал в то время, когда напали на его невесту?

– Говорит, что катался на своей машине по городу, – фыркнул Наполеонов.

– Вроде бы уже не мальчик, чтобы совершать романтические прогулки, – вздохнула Волгина.

– Вот и я о том же.

– Но может, он был чем-то расстроен?

– Чем?!

– Проблемы в бизнесе?

– Проверяли. Процветает он. Но я знаю, чем он был расстроен.

– Чем же?

– Предстоящей женитьбой! – выпалил Шура.

– Сестра утверждает, что Лукин любит свою невесту и мечтает о ребенке.

– Что же она еще может утверждать? – ядовито поинтере-

совался следователь.

– А других свидетелей вы опросили?

– Опросили, – уклончиво ответил следователь.

– Судя по твоей реакции, никто из них не сказал, что между Лукиным и Дементьевой были размолвки.

– Не сказал, – вынужден был признать Наполеонов и тут же добавил: – Это еще ничего не значит.

– Почему же?

– Потому, что здравый смысл говорит о том, что Дементьева Лукину не пара!

– Твой здравый смысл? – уточнила Волгина.

– Мой!

– Экий ты у нас старорежимный, – проговорила она с насмешливой улыбкой и укоризненно покачала головой.

– Никакой я не старорежимный, – обиделся Шура, – и нечего обзывать. Всем известно, что деньги к деньгам.

– Не всегда.

– И тем не менее убить хотели именно ребенка!

– Уверен?

– Конечно! Иначе не стали бы бить в живот.

– Сколько было ударов?

– Один.

– Странно...

Наполеонов ничего не ответил.

– Либо убийца профессионал, – предположила Мирослава, – либо его кто-то спугнул.

– Кому там его пугать в такое время...

– То есть ты хочешь сказать, что Лукин профессионал?

– Этого я не говорю. Но в живот трудно не попасть.

– Там было темно.

– Ничего, какой-то свет проникал в окно с улицы.

– Но тем не менее Майя убийцу не видела.

– Нет. Она сказала, что, как только она вошла в подъезд,

навстречу ей метнулась какая-то тень и ударила ее в живот.

Больше она вообще ничего не помнит.

– На ноже только отпечатки Андрея Лукина?

– Да.

– Но ведь ножом должны были пользоваться и другие члены семьи?

– Нам удалось выяснить, что это мясной нож, а мясо всегда разделывал сам Андрей.

– У них нет домработницы?

– Нет. Лукина была против появления в доме чужих людей. Потом она часто была дома и сама справлялась с хозяйством.

– А Дементьева подозревает в нападении своего жениха?

– Нет. Твердит, что это не он. Что Андрюша не мог желать ей зла, – Наполеонов махнул рукой, – обычные бабские заблуждения.

– Кто знает, – усмехнулась Мирослава, – может, на этот раз заблуждения мужицкие?

– Тебя Лукина наняла? – произнес скорее утвердительно,

чем вопросительно Наполеонов.

– Неважно, – отозвалась Мирослава.

– Пусть так. Но я не сомневаюсь, что Лукин передумал жениться и таким образом решил избавиться от алиментов.

– Я в это не верю! – проговорил Морис.

– Еще один защитничек невинно задержанных, – не скрывая иронии, произнес Наполеонов.

– На твоём месте я бы не стала иронизировать по поводу сказанного Морисом.

– Молчу, молчу! – Наполеонов приподнял руки.

– Шура! А Майя из кафе, ожидая опаздывающего Лукина, звонила ему на старый номер или на новый?

– На новый!

– И он не брал трубку?

– Сказал, что отключил телефон.

– Интересно почему?

– Господи! – воскликнул Наполеонов. – Да что тут непонятного? Пошел убивать и телефон, чтобы не зазвонил не вовремя, отключил.

– А пропущенные звонки на телефоне Лукина есть?

– Есть! Целых двенадцать.

Мирослава задумалась.

Шура посмотрел на нее насмешливо, сладко потянулся и заявил:

– Ладно, ребята, вы тут размышляйте, работайте, а я баиньки. Мне завтра рано в управление.

Глава 4

Мирослава решила узнать у Лукиной о прежних девушках Андрея Петровича. Они договорились, что Волгина поедет к Лукиным около десяти утра.

В морозном воздухе, насквозь пронизанном солнечными лучами, ослепительно сверкали маленькие снежинки, падающие неизвестно откуда, так как на небе не было видно не то что тучки, ни единого облачка. Волгина порадовалась хорошей погоде.

Бэлла Петровна уже ждала детектива и накрыла стол для чая. Мирослава не стала огорчать хозяйку отказом, тем более что чай оказался зеленый с жасмином, именно такой, как она любила.

– Следствие склоняется к тому, – осторожно начала Мирослава, – что убить хотели не Майю, а именно ребенка.

– Вы думаете на Андрея! – резко прервала ее хозяйка дома.

– Нет, я так не думаю, но могли быть и другие заинтересованные лица.

– Ах, вы о Вадике, – вздохнула Бэлла Петровна.

– Пока не о нем.

– А о ком же?!

– Это могла быть месть.

– Месть?

– Да. Например, обиженной женщины...

– Женщины?

– Девушки. Ведь ваш брат встречался с кем-то до Майи?

– Конечно, Андрюша не жил монахом, – поджала губы Лу-

кина.

– Вы помните тех, с кем он встречался?

– Андрей со многими девушками встречался. Он долгое время находился в поисках.

– Чего?

– Настоящей любви.

– А...

«Слишком долгое время», – подумала про себя Мирослава, а вслух спросила:

– Но вы ведь помните хотя бы последнюю и предпоследнюю пассию своего брата?

Лукиной явно не понравилось слово «пассия», но она стерпела и нехотя признала:

– Конечно, помню.

– Их имена и адреса.

– Катенька Литовченко и Светочка Маркисян. Их адреса и телефоны я вам сейчас напишу.

– Благодарю.

– Но хочу сразу предупредить вас, что с Маркисян вам навряд ли удастся поговорить.

– Это еще почему?

Бэлла Петровна замялась:

– Понимаете...

– Она не здорова?

– Что вы! – воскликнула Лукина. – Слава богу, жива и здорова. Просто ее папа... – Она опять замолчала.

– Обещал пристрелить из охотничьего ружья лично любого, кто приблизится к его дочери ближе, чем на десять метров, – усмехнулась Мирослава.

– Можно сказать и так, – вполне серьезно ответила Лукина.

– А объяснить нормально вы не можете?

– Могу, – решила женщина, – отец Светы не нам чета. – Она посмотрела вверх.

– Полубог, что ли?

– Примерно.

– Олигарх?

– Возможно.

– Криминал?

– Нет, что вы!

– Значит, алмазы или нефть.

– Нефть, – выдохнула Бэлла Петровна.

– Как же вашего брата угораздило познакомиться с дочкой нефтяного магната?

– Чисто случайно. На губернаторском балу.

– Маркисян был с дочерью?

– Да, его жена в это время была на курорте в Швейцарии.

У нее что-то было со здоровьем. Но никто, конечно, точно

не знает.

– Понятно, – обронила Мирослава.

– И представляете, Света сама пригласила Андриюшу на белый танец. Он тогда не знал, чья она дочь. Девушка ему понравилась, и они договорились встретиться на следующий день, вернее вечер, в ресторане.

– Встретились?

– Да. У них завязались отношения.

– А потом ваш брат узнал, кто отец Светланы, и решил уйти в тень?

– Нет, Андриюша был тогда без ума от девушки. Но спустя какое-то время она сказала ему, что они должны расстаться, – Бэлла Петровна вздохнула, – брат вынужден был согласиться.

– А что со второй девушкой, с Катей?

Лукина пожала плечами:

– С Катей, как обычно, повстречались и разбежались.

– Инициатива расстаться исходила от вашего брата?

– Насколько я знаю, да.

– Катя не дочь олигарха?

– Нет, – сухо ответила Бэлла Петровна.

– Хорошо, спасибо за предоставленную информацию.

– Вы ведь поможете Андриюше? – Лукина устремила на детектива взгляд, полный мольбы.

– Именно этим я и занимаюсь. До свидания.

– До свидания, – едва слышно проговорила Бэлла Петров-

на.

* * *

Знакомство с бывшими девушками Андрея Лукина Мирослава решила начать с самого трудного варианта. Поэтому первой позвонила Светлане Маркисян.

По первым же словам Светланы Волгина поняла, что разговаривает не с зазнавшейся мажоркой, а с вполне адекватной девушкой. И мало ли кто у нее папа!

Узнав, что Андрей арестован, Светлана не стала злорадствовать и согласилась встретиться с детективом. Помолчав полминуты, она спросила, удобно ли будет Мирославе подъехать к кафе «Избушка на курьих ножках» в пять вечера.

Волгина ответила, что ее устраивает этот вариант.

«Избушка на курьих ножках» была довольно оригинальным кафе, Мирослава назвала бы его кафе на любителя. Хозяин заведения Роман Савичев всегда появлялся перед посетителями в образе Бабы-яги. И надо признать, что играл он этот персонаж бесподобно. В лицо же его знали немногие.

Среди этих немногих была и Мирослава Волгина, благодаря своей дружбе с Шурой Наполеоновым, который был давно знаком с Савичевым и просто обожал его заведение. Здесь можно было не только вкусно поесть и повеселиться, но и понаблюдать за другими, что было немаловажно для работы следователя.

Обслуживающий персонал кафе, официанты и официантки были наряжены кикиморами, лешими, русалками и прочими сказочными и народными героями.

То, что Савичев был когда-то майором ФСБ, являлось тайной за семью замками. В отставку он ушел после тяжелейшего ранения, выходявшая его жена чуть ли не на коленях умоляла мужа уйти со службы. Начальство тоже понимало, что после всего пережитого Савичевым ему лучше уйти на пенсию по инвалидности.

Но майор быть инвалидом не пожелал. Упорными процедурами и тренировками он восстановил здоровье, но на службу не вернулся. И все-таки, как известно, бывших фээсбэшников не бывает.

Мирослава никогда не спрашивала Шуру, что кроме чисто дружеских отношений связывает его с Савичевым, но сама лично относилась к нему с глубочайшим уважением.

Ее иногда удивляло, что в «Избушке на курьих ножках» собиралась самая разношерстная публика. По-видимому, погрузиться в атмосферу сказки тянуло не только молодежь и представителей всех видов искусства, но и воротил бизнеса. Гулял здесь и криминал, который последнее время старался особо не выпендриваться. И все-таки дядька Черномор и его богатыри – охрана кафе – всегда были на страже.

Но основная часть публики собиралась здесь ближе к позднему вечеру и гуляла до раннего утра. Днем же тут было спокойно.

А в малый зал, где цены были демократичными и всегда было много вкусных десертов к кофе и чаю, заходили мамы с детьми, школьники и студенты.

Но Светлана назначила встречу Мирославе в большом зале. Она предложила детективу на входе спросить у метрдотеля, где ее столик.

Волгина не стала ничего уточнять, просто приехала, вошла в кафе и попросила проводить ее к столику, за которым расположилась Светлана Маркисян.

– Да, Маркисян уже здесь, – ответили ей и указали на столик возле раскидистой пальмы.

Баба-яга, появившаяся словно из ниоткуда, подмигнула Мирославе, и та улыбнулась в ответ. Демонстрировать свое знакомство лишний раз здесь было не принято.

– Я вас примерно так и представляла, – сказала Светлана, когда Мирослава подошла и представилась.

Волгина едва заметно улыбнулась, присела за столик, заказала чай и бисквит.

– Мне очень жаль, что Андрей попал в передрыгу, – первой начала разговор Светлана, – если я могу чем-то помочь...

– Может быть, и можете, – произнесла Мирослава, – его обвиняют в покушении на его невесту и в убийстве собственного ребенка.

– У Андрея был ребенок? – удивилась Светлана.

– Да, но он не успел родиться. Его невеста была беремен-

на.

– Ах вот как, значит, девушка ждала ребенка?

– Да.

– Но почему в нападении обвиняют именно Андрея?

– Некто позвонил в полицию сразу после нападения и указал на него. Впоследствии полиция обнаружила на ноже отпечатки его пальцев, да и сам нож, как оказалось, принадлежал Лукиным.

– Бред какой-то! – фыркнула Светлана. – Это же явная подстава!

– Вы так думаете? – заинтересовалась Мирослава.

– Я уверена в этом!

– Почему?

Вместо ответа на поставленный вопрос Маркисян задала свой:

– Зачем Андрею убивать беременную от него девушку?

– Чтобы избавиться от ребенка.

– Чушь! Если бы Андрей не захотел, чтобы девушка забеременела, этого бы и не случилось.

– Бывает всякое.

Светлана махнула рукой:

– У кого-то, может, и бывает, но не у Андрея. У него всегда все было под контролем.

– Есть второй вариант, – сказала Мирослава.

– Какой?

– Лукин мог передумать жениться.

– Почему?

– Например, разлюбил эту девушку и увлекся другой. Ведь не секрет, что он был довольно влюбчивым...

– Этого у него не отнять, – согласилась Светлана, – но существует несколько вариантов решения этого вопроса. Во всяком случае, на убийство Андрей бы не пошел.

– Вы так уверены в нем? – улыбнулась Мирослава.

– На сто процентов.

– Тогда напрашивается еще одна версия... – Волгина внимательно посмотрела на девушку.

Та усмехнулась:

– Мсть брошенной соперницы.

– Вы догадливы.

– Да, смекалкой Бог не обидел. Но если вы думаете, что это я, то ошибаетесь.

– Почему?

– Мы расстались по моей инициативе. – Светлана вздохнула.

– Он вам изменил?

– Нет. Все гораздо прозаичнее. Лучше я вам расскажу сначала.

Мирослава кивнула в знак согласия.

– Мы познакомились с Андрюшей на губернаторском балу. Я была там с отцом. Мой папа, впрочем, неважно, одним словом, он, мягко говоря, не бедный человек. Андрей тоже не бедный, но до папы ему как от земли до неба. А я име-

ла неосторожность увлечься Андреем, мы стали встречаться. Наш роман развивался по нарастающей. И если сначала отец смотрел на наши встречи сквозь пальцы, то потом, опасаясь, как бы я не выскочила за Андрея замуж, провел со мной разъяснительную беседу.

– Он запретил вам встречаться с Лукиным?

– Ну что вы, – усмехнулась Светлана, – мой отец не деспот. Просто он начертил мне схему моей будущей жизни с Андреем, а потом без него...

– С другим кем-то конкретным?

– Да, – кивнула Светлана, – он дал мне время подумать, взвесить все за и против.

– И вы подумали?

– Подумала и сказала Андрею, что очень благодарна ему за все, что у нас было, но мы должны расстаться.

– Насколько я понимаю... – взгляд Мирославы упал на красивое и явно дорогое, но не вызывающе броское кольцо на руке девушки.

– Да, скоро моя свадьба, – спокойно произнесла Светлана и, поймав сомневающийся взгляд Мирославы, добавила: – Мой жених на пятнадцать лет моложе Андрея, о его богатстве и о том, кто его отец, я упоминать не стану. Но он очень любит меня, всячески балует, и, не буду скрывать, я успела в него влюбиться.

При этом глаза девушки так засверкали, что Волгина поняла: Светлана ей не лжет.

– Спасибо вам, – сказала детектив, – что согласились на встречу и все разъяснили.

– Подождите! – остановила ее Маркисян.

– Да?

– Если для того, чтобы снять с Андрея подозрения, нужны деньги, то я готова заплатить столько, сколько нужно.

– Не волнуйтесь, – улыбнулась Мирослава, – услуги нашего агентства сестре Андрея по карману.

– Но я все-таки позвоню Бэлле, – сказала Светлана.

– Это ваше право. Еще раз спасибо и до свидания.

– До свидания...

* * *

Как ни странно на первый взгляд, но простая девушка Катя Литовченко вовсе не загорелась желанием встретиться с детективом. Наоборот, узнав, что разговор пойдет о Лукине, начала всячески отнекиваться.

Мирослава пошла на небольшой блеф, заявив, что в таком случае ее вызовут повесткой к следователю.

– Но его же не убили! – воскликнула Екатерина.

И Мирославе в ее голосе послышались нотки сожаления.

– И тем не менее, – жестко сказала она.

– Ну хорошо, – сдалась Литовченко, – у меня через час заканчивается смена, подъезжайте, и мы поговорим.

– Где вы работаете?

– В «Люксе»! Официанткой! Вы что, не знали?! – зло воскликнула девушка.

– Хорошо, я подъеду, – ответила Мирослава, проигнорировав ее вопрос.

А про себя подумала: выходит, Лукин и официантками не брезговал. Ну и дела!

Без пятнадцати минут до назначенного срока «Волга» Мирославы стояла у «Люкса». После двадцати пяти минут ожидания она увидела вышедшую из дверей девушку в искусственной шубке. Девушка стала озираться по сторонам. Мирослава вышла из салона и махнула ей рукой. Литовченко поспешила к ней.

– Я Катя, – сказала она и, не дожидаясь ответа Мирославы, попросила: – Давайте поговорим в машине, а то холодно.

– Да, конечно.

Девушка села рядом с ней и призналась:

– Я ожидала увидеть вас на «Мерседесе».

– Почему? – удивилась Мирослава.

– Но в кино показывают...

– Это не наше кино, – улыбнулась Мирослава.

– Это даже и хорошо, что вы не жируете, – подумав, проговорила Екатерина.

– Почему? – снова не смогла удержаться от улыбки Волгина.

– Общаться легче, – охотно пояснила девушка.

– Ну, разве что в этом смысле, – согласилась Мирослава

и спросила: – Где вы живете?

– На Советской, – грустно протянула Екатерина.

– Я вас подвезу.

– Ой, правда? – обрадовалась Литовченко.

– А по дороге поговорим.

– Об Андрее? – приуныла девушка.

– Я вижу, что он оставил вам не слишком приятные воспоминания?

Литовченко пожалала плечами.

– Вы познакомились в кафе? – спросила Мирослава.

– Да, – нехотя ответила Катя и добавила: – Он тоже предложил меня подвезти.

Она сняла шапку, и ее густые каштановые волосы рассыпались по плечам и спине. Рассмотрев ее лицо и большие, карие, широко расставленные глаза, Мирослава про себя отметила, что Литовченко весьма симпатичная девушка.

– Он подвез вас, а что было потом? – спросила она.

– А то вы не знаете, что бывает потом, – грустно усмехнулась Екатерина, – напросился на кофе. Поднялись ко мне. А затем произошло все то, что обычно проистекает из чашечки кофе.

– Насколько я понимаю, ваш роман имел продолжение?

– Да, имел. Андрей стал встречать меня с работы, задабривал цветами, конфетами. Потом стал дарить более крупные подарки. – Девушка сняла перчатку и вытянула перед Мирославой руку. На безымянном пальце сверкало кольцо

с несколькими бриллиантами, выложенными в затейливый узор. Бриллианты не были крупными, но купить такое кольцо сама официантка могла, только если бы не ела и не пила лет десять. Екатерина снова натянула перчатку, хотя в машине было тепло.

– Андрей любил водить меня на экскурсии, – вздохнула девушка с сожалением.

– В музеи?

– Скажете тоже, в музеи, – фыркнула Екатерина, – в магазины, бутики и другие интересные места.

– И там он что-то покупал вам?

– Да, Андрей не был скупым, – признала девушка.

– Извините за интимный вопрос, но вы не беременели от Лукина?

– Шутите, да?

– Почему же шучу, вполне серьезно.

– Если бы мне удалось от него забеременеть, – проговорила она мечтательно, – я бы никогда не выпустила удачу из своих рук.

– Почему же не удалось?

– Этот удод! – вырвалось у нее сердито. – Даже использованные презервативы с собой уносил – так боялся, что мне удастся извлечь из них выгоду для себя.

– Понятно. А как вы думаете, Катя, он мог бы убить разонравившуюся ему девушку?

Она покачала головой:

– Зачем ему? Просто бросил бы, как меня.

– А если она беременная?

– Я вам уже объяснила, что это невозможно. Если он, конечно, сам не захотел.

– А если захотел, а потом передумал?

– Откупился бы, – отмахнулась она.

– Вы уверены?

– Уверена! Я его, гада, терпеть уже не могу! Но наговаривать напраслину не стану.

– А где вы были... – Мирослава назвала день и время нападения на Майю Дементьеву.

– На работе. – Литовченко тяжело вздохнула.

– Кто может это подтвердить?

– Весь коллектив, можете проверить. Только зря вы думаете, что я могла... – Девушка запнулась, а потом продолжила: – Хотя это же ваша работа, – и тронула Мирославу за рукав, – сверните вон в тот двор.

– Вот мы и приехали, – сказала Катя, – зайдете? У меня есть хороший кофе.

– Я предпочитаю чай, – улынулась Мирослава.

– И чай найдется.

– Нет, спасибо, в другой раз.

– Разве ж другой раз у нас с вами будет, – ответила девушка, – это вы только из вежливости.

– Как знать, – отозвалась Мирослава.

– И то верно, – согласилась Екатерина, – жизнь иной раз

сводит таких разных людей...

По ее интонации Волгина догадалась, что девушка снова вспомнила о Лукине. Она еще раз поблагодарила ее и выехала из двора.

* * *

– Какие версии отработываешь? – спросил Шура, уминая с аппетитом яблочный пирог.

– Ты уже здесь? – удивилась Мирослава.

– А где же мне быть? – пожал он плечами.

– В управлении.

– Я проголодался.

– Оно и видно.

– Ты не ответила на вопрос.

– Я вроде бы не работаю под твоим началом, – усмехнулась она.

– Но ты же мой друг! – возмутился Наполеонов и тут же забеспокоился: – Или уже нет?

– Друг, друг, лучше прожевай.

– За этот процесс не беспокойся.

Мирослава вздохнула:

– Я занималась исключением версии.

– Какой?

– Нападением из-за мести и подставой Лукина.

– Ты все-таки упираешь на то, что его подставили?

– Представь себе.

– Валяный сапог к носу, – проворчал Наполеонов. Запив пирог чаем, он спросил: – И много наисключала?

– Двух девушек, с которыми он встречался перед Майей.

– Он их бросил?

– С одной девушкой отношения были разорваны по ее инициативе, другая – простая официантка, хотя красивая, просто надоела Лукину.

– Ага. Насколько я понимаю, версия рассыпалась?

– Она и не была основной. Но я бы на твоём месте расспросила Бэllu Петровну о других девушках её брата.

– По ходу там целый донжуанский список, – усмехнулся Наполеонов.

– Что-то типа того, – согласилась Мирослава.

– Спросить-то я, конечно, Лукину спрошу, но думаю, что нет смысла оперативникам обходить всех несостоявшихся невест Лукина. Чего ребятам зря ноги сбивать?

Мирослава мысленно с ним согласилась.

– Я ещё радуюсь, что адвокатом у Лукина подвизается не Белозерский. Вдвоем с Яном вы бы меня в пень вогнали.

– Зря радуешься, – сказала Мирослава, – я и одна с этой задачей справлюсь.

– Одно только нынешним вечером примеряет меня с действительностью, – вздохнул Шура.

– И что же? – поинтересовалась Мирослава.

– Морис сказал, что на ужин будет жареная курица.

– Ты же только что полпирога навернул! – возмутилась Волгина.

– Это была только разминка.

– Понятно. Но боюсь, что Морис забыл упомянуть, что еще сегодня будет на ужин брюссельская капуста, – рассмеялась Мирослава.

– Что?! Опять эта трава?!

– Так для твоего же блага!

– Для моего блага могут быть только жаркое, пироги, плюшки, торты! – разошелся Наполеонов.

– Шурочка, если ты будешь есть лишь перечисленное тобой, то настолько раздашь вширь, что не будешь проходить в дверь нашего дома.

Наполеонов метнул на Мирославу сердитый взгляд, сложил по-наполеоновски руки на груди и сделал вид, что весь погрузился в ожидание ужина.

В этот вечер ему все-таки пришлось съесть порцию брюссельской капусты, но зато на десерт он получил свое любимое пирожное – наполеон.

Дав Шуре передохнуть, хозяева воспользовались его благодушным настроением и вручили ему гитару.

Наполеонов не стал упрямяться и запел:

Поскользнулся предзакатный лучик
И сорвался в тот же миг с небес.
Он, наверное, хотел, как лучше
И на кручу огненную лез.

Ты сказала мне – наскучил!
Ты сказала мне – прости.
Тоже я хотел как лучше!
Но меня бросаешь ты?

Разве можно так, без объяснения?
Разве можно просто разлюбить?
Ты была вершиною творенья!
Как теперь я дальше стану жить?

Я прошу тебя, опомнись!
Я прошу тебя – вернись!
Хорошо с тобой нам было, помнишь?!
Я хочу с тобою быть всю жизнь!

Я хочу в любую непогоду
Быть лучом, сияющим во тьме!
Ну и все такое в этом роде,
Возвращайся, милая, ко мне.

Во время пения Наполеонов не сводил жалобно умоляющих глаз с Мирославы, и те, кто не знал его и их отношений с Мирославой, вполне могли бы подумать, что Шура безумно влюблен.

Прошло два дня.

Мирослава позвонила Дудину.

– Здравствуйте, Григорий Семенович. Это детектив Мирослава Волгина.

– Да, да, я помню, и вашу просьбу выполнил. С соседями я поговорил. Никто из них в этот день не ждал к себе гостей и никто к ним не приходил. Но вот Кротовы собирались идти в этот день в гости.

– Ушли?

– Нет, не получилось, – рассмеялся Дудин, – жена Кротова затеяла скандал из-за своей свояченицы. Вроде бы муж как-то не так на нее посмотрел и вот теперь, надев свой лучший костюм, снова приготовился на нее пялиться. Муж оправдывался, как мог, пытаясь переубедить жену. И та вроде бы успокоилась, но едва он открыл дверь и собрался переступить порог, как она завелась по новой. Обозленный муж шарахнул дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка, и вернулся в квартиру доругиваться с женой.

– Значит, в этот вечер Кротовы остались дома?

– Точно. Но мы с Кротовым потом поговорили и пришли к выводу, что дверью он хлопнул именно во время нападения преступника на Майю. Я ему так и сказал: ты девчонке, можно сказать, жизнь спас. А он перевел стрелки на супругу,

мол, это она мастер скандалы закатывать, так что и заслуга по спасению ей принадлежит.

– Пусть так, – сказала Мирослава, – а Кротов не слышал шума в подъезде? Хлопанья подъездной двери?

– Нет, не слышал, – вздохнул с сожалением Дудин, – он был в такой ярости, что мог на это просто не обратить внимания. И в то же время надо думать, что преступник старался не шуметь.

– Вы правы, Григорий Семенович, спасибо вам большое.

– Не стоит благодарности. Да, кстати, тут опера поквартирный опрос проводили. Может, им и удалось наскрести какие-нибудь крохи, но навряд ли. Тот же Кротов не захотел им рассказывать о своем скандале с женой. Да и расспрашивали они жильцов о том, не было ли в подъезде замечено чужих, подозрительных лиц.

– Таковых не оказалось?

– В этот день – нет.

* * *

Узнав от того же Наполеонова, что Майя Дементьева пошла на поправку, Мирослава напомнила следователю о телефоне.

– Да спросил я ее, спросил! Она не обратила внимания, какой высветился номер, сослалась на сонливость. Но уверена, что голос был Андрея, хотя и сказала, что он был стран-

НЫМ.

– То есть?

– Простуженным и говорил он шепотом, точно опасаясь кого-то разбудить или привлечь чье-то внимание.

– Шура, эти звонки мне кажутся все более подозрительными, – сказала Волгина.

– Не вижу в них ничего подозрительного, просто Лукин хотел запудрить девчонке мозги, а потом запутать следствие.

– Ладно, мне некогда, – отрезала Мирослава и отключилась.

Она решила, что пришло время навестить родителей Майи Дементьевой. Ей хотелось понять, как на самом деле семья девушки относилась к Андрею Лукину и к Майиному браку с ним. И еще она надеялась услышать хоть что-то о ее бывшем женихе.

Надежды детектива почти полностью оправдались. Родители Майи согласились поговорить с ней и сами предложили приехать к ним домой. Мирослава не замедлила воспользоваться этим приглашением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.